

**Белорусец С. Год Кот и Тигр , или Без н -
зв нья... Проз рий и Стихоторий. — М.:
Союз пис телей Москвы; Academia, 2015. —
672 с. — ISBN 978-5-9907066-0-6.**

Проз рий

Я всегда завидовала хорошим писателям, авторам охотничьих и морских рассказов. Конечно, такие биографии, такие фактуры! Глухари, лоси, форштевни, се-

негалки в далеком порту. Все это, казалось мне, недосыгаемые территории, заповедные писательские прииски...

Прозаическая часть новой книги Сергея Белорусца проливает бальзам на раны. Эта проза — даже не городская, а квартирная, меньше того — комнатная. Но комната — достаточная сцена для многоактной пьесы, проживаемой здесь автором — с рождения и по сей день. Эту мысль о прозе проиллюстрирую цитатой из стихотворения, взятого из смежной к (зачеркнуто) поэтической части книги.

Гармонический ход бытия:

Ты — из комнаты, в комнату — я...

...

...Нам до боли — буквально — знаком

Трансформаторный фон за окном,

Выводящий на м о н о к р у г и

Нашу пьесу в четыре ноги...

В то время как другие отправляются далече за золотым руном писательских впечатлений, Белорусец привлекает материал из ящика письменного стола, из собственной, впечатляющего объема оперативной памяти. Подтверждение этой мысли нахожу у автора.

Дв вид пис телей...

Существует два основных (магистральных) писательских пути. Два вида писателей. Причем без разницы — детские это писатели или взрослые. Одни должны скрупулезно изучать жизнь тех, о ком пишут. Ездить в командировки, экспедиции, вести путевые заметки и дневники, проникаться деталями и сленгом. Другим же вполне достаточно самих себя, своей памяти, фантазии и собственной комнаты-кабинета-лаборатории. Им даже в окно смотреть не нужно...

Массив прозаической части книги собирается из множества историй, от маленьких до совсем крошечных. Восхищенно удивляюсь, в энный раз за долгие года знакомства с творчеством Сергея Белорусца, той тщательности, с которой автор разрабатывает добытую руду, рачительно распоряжается, продуктивно использует. И не сказать, что руда шибко богатая, писатель обогащает ее, превращая в точные, остроумные, афористические истории и сюжеты.

Стиль Белорусца не спутаешь ни с чьим другим. Интонация, особая оптика — взгляд мужчины-мальчика, возмужавшего дошкольника с Беговой улицы. Сдержанно-целомудренная подача. Неназидательная мудрость. Фирменные оксюмороны. Огранка. Белорусец в этом деле настоящий Фаберже...

Занятное, сдержанно-нежное, исподволь-трагическое, быто-мистическое и просто бытовое; числовой, и буквенный, и даже — спектральный анализ всего материала: работа в писательской мастерской Белорусца ведется серьезная. И в таких объемах, если бы на него, как на Перуджино, работала артель маленьких Рафаэлей.

Спектр льный и лиз

Белый, русский, серый, маркий...

Это все я.

Один.

Белорусец Сергей Маркович....

И вот еще.

Устный счет...

Через год после того, как в один день (и практически в один час) со мной родился мой сын Арсений, я был старше его в 29 раз! А 13 января 2015-го — ебж — окажусь старше собственного 28-летнего ребенка всего лишь в 2 раза...

А эпизод «Батюшка», при всей камерности, смело мог бы лечь в основу полнометражного фильма. Многослойный, трагикомический, плюс — актуальная спортивная тематика...

Некоторое пространство Пр о з а р и я посвящено совместному бытованию Сергея Белорусца и поэта Василия Ломакина, одноклассника автора. Эта проза менее комнатная, более городская, гротескно-остроумная: два творца в дружеском тандеме совпадают реальностями, резонируют духовными и материальными запросами, искрят совместно нажитыми текстуальными находками.

— В огне брода нет? — спрашивал я.

— В огне брода нет! — повествовательным эхом отзывался тот, кто сделался потом поэтом Василием Ломакиным. Что (для посвященного меня) означало: в очередном номере еженедельного литературно-художественного и общественно-политического журнала «Огонек» новая поэтическая публикация экс-ленинградца Бродского отсутствует.

Делая кульбит, книга предстает поэтическим сборником. В случае Белорусца особенно интересно понять, отчего зависит, во что превратится вышеозначенная «руда» — загустеет в стихи или разольется в прозу.

Стихоторий

Здесь — выверенное, лаконичное, иногда до скудости, письмо. Игра, парадоксальным образом совмещающаяся с аскетизмом. Внимание, почти лабораторное, к мельчайшим движениям внешней и внутренней жизни; способность принимать ее «какая есть», не идеализируя, не романтизируя и не демонизируя, на молекулярном уровне.

...мы — из белка!

Время с местом и кр ю

Порой возникает ощущение, что Белорусец создает большинство своих философем-парадоксов, где в середине стихотворения волшебным образом смещается фокус и выпрыгивает новый, иногда ошарашивающий, смысл, — оперируя всего четырьмя, ну, пятью элементами. (Кубиками? Лыдинками?)

Как и в прозаических текстах, в стихах Белорусец предстает мастером дзена (зачеркнуто) приятя:

*...И — жизнь — как эта кошка,
Лежащая часами
С открытыми глазами...*

Особое умение — не любоваться слезливо корявой чужой жизнью, а принимать — в свои стихи, давая приют всем, кому адресован этот спокойный тихий интерес.

*Он был — двуногое, двуликое,
И — делал что-то невеликое,
...
И — бабочкою на булавочке —
Торчал на бесконечной лавочке,
И — с малолетними да пьяными
Делился творческими планами...*

Тут автор прокалывается (булавочкой), сквозь дырочку в отстраненной созерцательности видно сочувствие к малым сим, приколотым социальными или дружными обстоятельствами к своей *при-лавочной* жизни.

В данной книжке впервые у Белорусца вижу я целую портретную галерею: живые люди, соседи, «бытияне». Иногда стихи поэта начинают цвести гражданским чувством, почти некрасовским (и музе я сказал — гляди...).

*...Ради бабок, деток ради
Нарушала все табу.
Липли скрюченные пряди
К замордованному лбу...*

*А ее шмонали, челки
Раздувая между дел,
Униформенные телки —
Два комплекта женских тел...*

Герой большинства стихотворений — второго плана, прочно занявший этот план — время. Вчитаемся: в более чем половине текстов, ближе к его финалу, возникает временная проекция. Числитель может быть любой, в знаменателе же всегда время. Оно принимает в стихах Белорусца разные обличья, это герой деятельный и многоликий, необязательно называемый по имени.

*...Что времени (любому) нет нужды
Заботиться о вечности.*

*...Сколько раз тебе осталось жить,
Чтобы умереть наверняка?..*

*Медленно и неверно
Время твое течет...*

*...умирать всего скудной
От передозировки дней...*

Время — тема вовсе не умозрительная. Белорусцу-поэту, сдержанному, несуетному, скуповатому на (общепринятые) эмоции, оно открывается теми своими гранями, которые не видны остальным. Могущественное, неумолимое для смертных, по Белорусцу, и оно уязвимо:

*Время — ходячий больной —
Много ли знает о вечности?*

Эта не стяжающая (яркостей, впечатлений, страстей) природа снискала Белорусцу дар проникать сквозь обычное бытие, рутину, вещную тесноту — в пространство обнаженных смыслов, невидимых взглядом связей, иных ценностей. Называется это так же, тем же словом: жизнь, только она внутренняя (даже подпольная), типа городка в табакерке.

*Это жизнь. Она течет.
Вольно
(И — подпольно...)
Многолик ее учет.
Участь бесконтрольна...*

Здесь его собственные, белорусцевские прииски, которые, в силу особенностей литературного дара и положения (тема добровольного изгойства тоже задействована у Белорусца), ему дано осваивать в одиночку. *Собирательный образ тебя* (название одного из поэтических разделов) — автору нескудно встряхивать этот калейдоскоп, а читателям не надоедает читать.

В общем, имеется очень щедрая книга, почти семисотстраничный том.

Интересная, умная, добрая. Предельно необычная, не встраивающаяся ни в какие ряды, ниши, типы. Грустно-игривая, местами гомерически смешная.

Прозо-поэтическая. Разносторонняя.

Татьяна Риздвенко